

**Системная экономика XXI века:
идеал, реальность, программа**

**Клейнер Георгий Борисович
СИСТЕМНАЯ ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА:
ИДЕАЛ, РЕАЛЬНОСТЬ, ПРОГРАММА**

Радикальные преобразования отечественной экономики, пик которых пришелся на последнее десятилетие XX века, поставили перед экономической наукой масштабную задачу: отталкиваясь от сложившиеся в XX веке тенденции, учитывая целевую направленность и реальные последствия трансформаций, определить контуры желаемого будущего отечественной экономики в новом веке, сопоставить его с наиболее значимыми явлениями настоящего и наметить основные траектории развития экономической теории и практики, приближающие экономику к желательному состоянию.

Какую исходную позицию следует избрать для такого рода анализа? Один из вариантов описан в замечательном четверостишии Н. Глазкова: «Век двадцатый, век необычайный. Я на мир взираю из-под столика. Чем он интересней для историка, тем для современника печальней». Взгляд «из-под столика», т.е. с точки зрения подробностей сегодняшнего дня, имеет свои преимущества, основанные на детальности данных. Вместе с тем, как известно из стихов другого замечательного поэта, С. Есенина, «лицом к лицу лица не увидать». Поэтому исследование масштабных межвековых сдвигов следует, как представляется, вести не «из-под столика», а скорее, «с высоты птичьего полета», т.е. научного предвидения, основанного на, обращении к качественным характеристикам экономических явлений, обобщении динамики этапов развития отечественной экономики и общества. Для обобщенной характеристики каждого периода при таком подходе естественно рассмотреть особенности основного самостоятельного актора экономики – структурной единицы организации экономической деятельности. По сути дела, все крупные экономические реформы последних 100 лет в России были связаны именно с изменением состава ключевых экономических акторов, в том числе изменением их масштабов и положения в иерархии уровней управления, с реорганизацией взаимодействия акторов. Мы используем концепцию «типового» (репрезентативного) актора как носителя экономической активности – внутренней энергии, являющейся источником экономической динамики. Ниже мы увидим, что на протяжении XX века масштабы акторов изменялись от макси-

мального (сверхцентрализация) до минимального («атомизация»), и последовательность смены репрезентативных акторов однозначно характеризует социально-экономический уклад в каждом данном периоде. В настоящей работе, подготовленной за счет гранта РФФ, проект №17-18-00048 (организация – получатель средств – ЦЭМИ РАН), показывается траектория динамики ключевых акторов экономики и делается вывод о приближении периода «системной экономики как экономики, где основными акторами являются разнообразные экономические системы, а институты адаптированы к решению задач обеспечения процессов создания, функционирования, взаимодействия и трансформации социально-экономических систем. Программа развития экономики должна быть системно-ориентированной в том смысле, чтобы решить такие проблемы, как: субъектность и идентификация социально-экономических систем в экономическом и правовом пространстве-времени; таксономия систем, определение факторов развития или торможения экономической деятельности систем; исследование особенностей ценообразования в экономике, где ключевыми акторами служат социально-экономические системы. Таким образом, программа экономического развития в ходе движения к «экономике систем» должна включать развитие и экономической теории, и экономических институтов, и организационно-управленческих механизмов, и особого «системного» мировоззрения.

1. Ключевые акторы российской экономики: история

Преобразования либерализационного характера, проведенные в экономике России на рубеже XX и XXI веков, завершили череду масштабных трансформаций структуры движущих сил и акторов отечественной экономики. К началу 1940-х гг. экономика подошла в состоянии, когда единственной движущей силой и одновременно актором развития было государство, регулирующее все экономические процессы в стране. Это дает основание кратко охарактеризовать данный период (его начало можно условно отнести к 1929 г.) как *экономику государства*, В последующий период, начавшийся в 1950-х гг. роль элементов системы ключевых самостоятельных акторов приняли на себя отраслевые министерства. Возникла *экономика отраслей*, сменившаяся на небольшой период (1957) – 1965 гг. *экономикой регионов*. Возвращенные на административную орбиту отраслевые министерства вскоре уступили роль автономных акторов главкам, а затем всесоюзным промышленным объединениям, отвечавшим за работу подотраслей (или чистых отраслей). Возникшая экономика подотраслей сменилась в начале 1970-х гг. экономикой предприятий (производственных объеди-

нений), чтобы к концу 1980-х смениться *экономикой малых предприятий*. Дальнейшее разукрупнение ключевых акторов к началу 1990-х гг. привело страну в состояние *экономики физических лиц*, когда самостоятельными авторами являлись отдельные индивидуумы – участники экономической деятельности, действующие в собственных личных интересах на свой страх и риск.

Промежуточный итог смены перечисленных социально-экономических укладов – атомизированная «экономика физических лиц».

Экономика физических лиц наиболее интенсивно развивалась в период с середины 1990-х до середины 2000-х гг. В существовавших в это время организационно-технологических условиях. это привело к потере едва ли не половины валового национального продукта. Минимизация масштаба типового (репрезентативного) самостоятельного актора экономики до отдельного физического лица привела и к сужению пространственного и временного горизонта планирования и развития экономики. Более детальное писание особенностей «экономики физических лиц» можно найти в (Клейнер, 1996, 2004).

Очевидно, что эта стадия является последней на пути минимизации размеров репрезентативного актора и после нее должен наблюдаться «отскок» – начало обратной тенденции укрупнения ключевых акторов.

2. Ключевые акторы российской экономики: реальность

С начала 2000-х годов центральное место в структуре управления предприятиями начинают занимать собственники предприятий. Они отгеснили от принятия стратегических решений «красных директоров», которые частью стали собственниками, частью – «полунаемными» менеджерами. Именно собственники или их консолидированные группы стали играть роль основных акторов экономики (поскольку в собственности одной группы находится зачастую не несколько предприятий, приходится говорить именно об «экономике собственников», а не об «экономике предприятий»).

Наступила стадия «экономики групп собственников». Для этой стадии характерны такие явления, как низкая инвестиционная активность, ориентация предприятий на краткосрочные цели, вывод активов предприятий, снижение конкурентоспособности предприятий ввиду переноса конкуренции между товаропроизводителями из сферы соперничества за потребителя за счет повышения качества и снижения цены в сферу борьбу за личное благорасположение представителей органов власти разных уровней и направлений, включая региональные и муниципальные.

ципальные органы, контролирующие организации, судебные инстанции и т.д. Все это существенно повышает уровень и масштабы коррупции, поскольку ситуации принятия решений сводятся к противостоянию интересов групп физических лиц.

По своим экономическим последствиям данная стадия близка к экономике физических лиц и также носит промежуточный характер. Укрупнение основных акторов и расширение их состава представляется неизбежным.

В целом «экономика групп собственников» способствовала концентрации капитала, усилению расслоения общества, снижению конкурентоспособности предприятий.

В статье (Клейнер, 2004) отмечалось, что к 2000-х гг. экономика физических лиц еще продолжает свое «триумфальное шествие» по экономическому пространству и времени нашей страны. В некоторых аспектах общественно-политической жизни рудименты экономики (а также политики и менеджмента) физических лиц заметны и сейчас, вл второй половине 2010-х гг, хотя атомизированная стадия уступила место иному социально-экономическому укладу. Для новой стадии характерна более высокая степень консолидированности участников экономической деятельности.

3. Ключевые акторы отечественной экономики: будущее

Анализ сложившегося уклада отечественной экономики позволяет выявить ряд явлений, указывающих на тенденцию формирования новой структуры экономических акторов. Эта структура стремительно усложняется и диверсифицируется, становится все менее стабильной и предсказуемой. Соответственно усложняются и институты, определяющие протекание процессов производства, распределения, обмена и потребления благ, а также самих благ. Общая причина такого движения связана с так называемым системным расширением понятия агента – закреплением социально-экономических систем как самостоятельных акторов экономики. Эти системы оттесняют на периферию экономической жизни и корпус физических лиц, и популяцию предприятий (фирм).

Анализ текущего состояния и зарождающихся тенденций социально-экономической динамики позволяет сделать следующие выводы о значимости системного видения общественной сферы страны.

1. В ситуациях противостояния интересов хозяйствующих субъектов или физических лиц выигрывает сторона, поддерживаемая более влиятельной социально-экономической или политической системой. В качестве таковых выступают органы власти, крупные корпорации, ре-

лигиозные объединения, политические партии, семейные и иные кланы, сетевые структуры, в том числе – сетевые сообщества и иные социально-экономические системы («крыши»). В связи с этим данную стадию можно было бы назвать также «экономикой крыш»). Таким образом, крупномасштабные системы начинают замещать отдельных участников делового оборота. Нарушается принцип равноправия субъектов экономики и социума. Социально-экономическое пространство становится принципиально гетерогенным.

2. История развития страны в течение минувших 25 лет заставляет говорить о кризисе одного из фундаментальных концептов современной экономики – понятия собственности, как в теоретическом, так и операциональном смыслах. В теоретическом плане понятие собственности потеряло конкретность ввиду недостаточной определенности понятия «субъект собственности. Если речь идет о собственности» применительно к экономическим системам, не обладающим формальной субъектностью юридического или физического лица. В результате формальное право собственности заменяется расплывчатыми традициями и неформальными «понятиями». Необходима концептуализация понятия *системного лица*, т.е. социально-экономической системы как полноценного участника делового оборота, обладающего правами и несущего ответственность.

В практическом плане право собственности из монолитного становится *системным*, т.е. расщепленным на взаимосвязанные правомочия владения, распоряжения, пользования (или более дробную систему). В целом можно говорить о системологии собственности как научно-практическом направлении системного анализа собственности.

3. Принадлежность к определенной социально-экономической системе уже сейчас играет во многих случаях более важную роль, чем функциональные особенности агента. Возможность прибегнуть к числу лиц, которым положены скидки при покупке товара, играет в поведении покупателя более важную роль, чем цена товара. Рентоориентированное поведение, столь распространенное в современном обществе, также представляет собой не что иное, как стремление к аффилированности с определенной системой, контролирующей доступ к распределению благ. В данном контексте следует подчеркнуть широкое распространение т.н. клубных благ, т.е. благ, неконкурентные и исключаемые блага, доступные только членам определенных сообществ (см. также концепцию социального кластеризма В.Л. Макарова, Макаров, 2010????). В последнее десятилетие резко возросла роль сетевых благ, т.е. продуктов, потребляемых в комплекте с другими. По-

лезность потребления сетевых благ не убывает, а возрастает по мере увеличения числа пользователей. Клубные, сетевые и подобные типы благ можно объединить в понятии системные блага, понимая под этим ассоциированность с некоторой социально-экономической системой. Возрастание полезности таких благ в экономике свидетельствует о ее приближении к системной экономике XXI века. Проследивая тенденцию «систематизации» экономики, т.е. процесс формирования надфирменных систем, готовых к исполнению роли акторов в экономике, можно вспомнить и создание финансово-промышленных групп, и организацию холдингов, бизнес-ассоциаций, региональных кластеров, создание госкорпораций, восход олигархических межотраслевых бизнес-империй и т.д.4.. В ряде социально-экономических практик персональная ответственность заменяется групповой или системной. Речь идет о практике коллективной ответственности родственников за противоправное поведение одного из членов семьи; в некоторых странах практикуется разрушение семейных жилищ лиц, признаваемых террористами. Да и сам террор основан на «системном расширении» ответственности. К тому же виду действий относится наложение санкций на ту или иную страну в качестве наказания за действия ее отдельных должностных лиц. Принцип персональной ответственности нарушается и в ситуациях наследования, когда, условно говоря, сын (а точнее, группа наследников) отвечает по долгам наследодателя.

Все это в целом говорит о наступлении новой, довольно своеобразной стадии в социально-экономическом развитии страны (подобные явления можно зафиксировать и в других странах) – *экономики социально-экономических систем*, или, более кратко, *системной экономики*.

Своеобразие этой стадии связано с неоднородностью множества социально-экономических систем. Если неоклассическая модель экономики опирается на качественное сходство агентов при количественном различии параметров, то модель системной экономики допускает не только количественное, но и качественное разнообразие акторов. Государство, регион, отрасль, предприятие 0 все эти и иные системы могут в определенных условиях стать самостоятельными акторами экономики.

Если основными самостоятельными актором «экономики физических лиц» являются социальные субъекты – индивидуумы, в «экономика групп собственников» – владельцы или консолидированные группы владельцев производственных активов, то в системной экономике основными акторами становятся формализованные и неформализованные социально-экономические системы – относительно автоном-

ные и устойчивые образования, включающие физические и юридические лица, внутрисистемные институты и регламенты, материальные и нематериальные блага и т.д. В число таких систем входят предприятия, объединения предприятий, отрасли, кластеры, регионы, крупные инвестиционные проекты, сетевые структуры, семейные и родовые кланы и т.п. «Инсайдерами» в таких системах выступают физические лица, аффилированные с данными системами и влияющие на ход и результаты их функционирования.

Популяция социально-экономических систем крайне разнообразна, однако наиболее значимым является разделение систем на четыре группы; системы объектного, проектного, средового и процессного типов (Клейнер, 2013). В связи с этим возникает вопрос о доминирующем типе систем, определяющих развитие экономики. Если доминировать будут проектные (событийные) системы, четко локализованные во времени и в пространстве, то стадия «системной экономики» станет «эпохой перемен». Если доминирующая роль будет отдана средовым системам, не имеющим определенной границы во времени и в пространстве, настанет «эпоха застоя» – период стабилизации общественных отношений. В последнем случае будет наблюдаться наибольший контраст с «экономикой физических лиц». Доминирование объектных систем может быть охарактеризовано как «корпоративная экономика», а доминирование процессных 0 как «экстенсивная экономика».

Следует подчеркнуть: несмотря на то, что социально-экономические системы начинают играть весьма значимую роль в отечественной экономике, ее институциональное сопровождение не позволяет рассматривать современную экономику как системную. Подавляющая часть систем не имеют статуса субъекта экономики. Это относится ко многим проектным системам (благодаря чему появляются фирмы-однодневки); процессные системы, реализующие бизнес-процессы или с распространением новшеств, как правило, не имеют статуса юридического лица (часто применяемое понятие владельца бизнес-процесса имеет метафорический характер и не формализуется; то же самое можно сказать и о большинстве инфраструктурных в широком смысле (средовых) систем, например, об Интернете).

Отметим, что предположение о том, что следующей за «экономикой физических лиц» может стать стадия «экономики предприятий» (см. Клейнер, 2004, 2008??), не оправдалось. Становления предприятий как самостоятельных, целостных и суверенных в известном смысле субъектов рынка в России не произошло, чему способствовала и неурегулированность проблем взаимоотношений между элитой и об-

ществом, и слабость судебной системы, и шаткость иных институтов защиты прав собственности. Процесс формирования популяции основных акторов экономики пошел в обход нормативно-правового регулирования, через поле неформальных отношений и институтов. Ни «экономика физических лиц», ни «экономика групп собственников» не могли способствовать созданию популяции предприятий как полноценных агентов рынка. В этой ситуации не имеет смысла говорить о полноценной рыночной экономике.

Оценивая результаты функционирования двух перечисленных стадий отечественной экономики, стоит отметить, что одним из общих для этих фаз источником возникновения проблем является отсутствие удовлетворительных механизмов синтеза социальных и экономических факторов развития. Недостаточно четкая структурированность социально-экономического пространства, отсутствие однозначных разграничений между правами и (и ответственностью) для физических должностных лиц (руководителей производства), с одной стороны, и юридических лиц, с другой, не позволяет эффективно осуществлять извлекать синергические эффекты из взаимодействия этих участников социально-экономических систем. Между тем именно социально-экономические системы должны стать ключевыми фигурами в структуре экономического пространства-времени на следующей стадии развития отечественной экономики.

В настоящее время системная структура экономики и общества в целом сложилась, и социально-экономические системы разнообразных масштабов, видов, назначения и локализации заняли место значимых акторов экономики. При этом аффилированность конкретных фирм с той или иной системой порой далеко не очевидна и требует проведения специальных исследований (см., напр., Дзарасов, ???). Тем не менее можно констатировать наличие реальных предпосылок или, можно даже сказать, спроса общества на вхождение страны в фазу «системной экономики». Параллельный процесс протекает и в сфере регулирования экономики: стадия *хаотичного* управления сменяется стадией «ручного» управления, которая после бесплодных пока попыток организации *стратегического* управления приближается к стадии *системного* управления, основанного на учете системных свойств как объектов, так и субъектов управления. Системы, как наблюдаемые, так и ненаблюдаемые, начинают входить в сферу общественного внимания как важные факторы его функционирования и существенные компоненты социально-экономического ландшафта (заметим появившееся в последние годы выражение «системная оппозиция»).

С точки зрения развития традиционных экономических агентов – предприятий, стадия «системной экономики» обладает определенными достоинствами, а также несет определенные риски. Если в «экономике групп собственников» реакция рынка на действия предприятия в значительной степени зависит от решения более или менее определенной и известной предприятию совокупности собственников и является в значительной мере субъективной, то в системной экономике эта реакция носит более объективный, закономерный характер (например, определяется позицией соответствующего сетевого сообщества). В такой ситуации конкурентоспособность предприятий определяется эффективностью производства и качеством продукции, а не личными связями заинтересованных лиц. Повышение степени структурированности рыночного и административного окружения предприятия позволяет ему существенно расширить временной и пространственный горизонт планирования.

Риски предприятия в системной экономике связаны, в первую очередь, с возрастанием сложности и стоимости маркетинга («системного маркетинга»), в том числе – системного мониторинга рыночного и административного окружения.

В целом, приближение эры «системной экономики» требует существенного повышения качества управления предприятиями, усиления его системности и стратегичности.

С понятием «системность» в социально-экономическом дискурсе ассоциируются такие характеристики, как целостность; непротиворечивость; связность; гармоничность; последовательность; преемственность (многомерная структурированность); устойчивость; иерархичность; субъектность; идентичность и т.п. Соответственно, признаками развитой «системной экономики» как стадии движения реальной экономики служат следующие характеристики:

- целостность экономики как подсистемы общества наряду с такими общественными подсистемами, как социум, государство, бизнес;
- наличие механизмов согласования интересов акторов независимо от их масштабов (в том числе – согласование интересов на базе механизмов многоуровневого стратегического планирования);
- последовательность и непротиворечивость принимаемых на всех иерархических уровнях управленческих решений;
- баланс между разнообразием и однородностью во времени и в пространстве (межпериодная преемственности и межзональная согласованность);

- согласованность критериев социальной справедливости и экономической эффективности, обеспечиваемая механизмами внутри-системной координации в системах с длительным жизненным циклом;
- наличие механизмов идентификации и каталогизации разнообразных социально-экономических систем – реальных и потенциальных акторов экономики и их представительства в структуре выработки, обсуждения и принятия значимых общественных решений;
- легитимизация и формализация в качестве равноправных акторов экономики требуют существенного изменения законодательной и иной нормативной базы. Поскольку акторами могут быть и системы с ограниченной длительностью жизненного цикла, вопрос об ответственности такого актора после окончания цикла за ранее предпринятые действия приобретает особую остроту и требует создания мощной системы страхования систем проектного и процессного типов.

В стадии системной экономики должно измениться содержание одного из основополагающих понятий экономики – понятие собственности. Системное расширение понятия собственности связано с двумя обстоятельствами. Первое состоит в эволюции субъекта собственности. Если в досистемной стадии формальным субъектом собственности является физическое или юридическое лицо, то в системной экономике можно говорить о системной собственности, т.е. отношении между социально-экономическими системами по поводу данного объекта собственности. Поскольку отношения между системами намного разнообразнее, чем отношения между физическими и юридическими лицами, то понятие собственности неизбежно расслаивается на компоненты, соответствующие возможным способам осуществления системам права собственности. Структуризация этих прав превращает собственность в совокупность элементов и связей между ними превращает отношение собственности из монолита в систему и диверсифицирует понятие системной собственности. В экономике групп собственников титул собственности еще рассматривается как монолитный, но предпосылки его расширения уже создаются.

Надо полагать, что реализация подобных требований может быть достигнута лишь на стадии зрелого развития системной экономики. Тем не менее, этот «образ будущего» является закономерной экстраполяцией тенденций, формирующихся уже сейчас.

Предложенная в данной работе типология и концепция динамики социально-экономических укладов существенно отличается от традиционных исследований на данную тему в рамках мейнстрима. Если неоклассическая, институциональная, эволюционная парадигмы в ка-

честве основной единицы анализа рассматривали *организацию*, т.е. группу индивидуумов, объединенных общей целью, то в предложенном подходе основной единицей исследования является социально-экономическая система, включающая не только аффилированных с ней людей, но и внутрисистемные институты, сложившиеся традиции и тенденции, а также материальные и нематериальные блага, связанные с участниками системы определенными отношениями, в том числе отношениями владения, управления, пользования, а также связанные между собой, в том числе в рамках «интернета вещей». Кроме того, организация, как правило, не имеет априорного ограничения по длительности жизненного цикла и обладает вполне определенной пространственной локализацией, в то время как многие системы функционируют в строго определенных временных границах, а другие не имеют локализации ни во времени, ни в пространстве. В целом переход от организаций к системам отражает общую тенденцию расширения горизонта исследований социально-экономических явлений, системного учета факторов и результатов общественных процессов.

Для эффективного функционирования отечественной экономики XXI века как системной экономики уже в *n*th yb должны быть приняты меры по разработке новой экономической теории применительно к стадии, когда основным актором экономики становится социально-экономическая система. Системная экономическая теория призвана не только абсорбировать и соответствующим образом модифицировать положения неоклассической теории, кейнсианской теории, политической экономии социализма, институциональной и эволюционной теории, но и операционализировать такие концепты, как системное социально-экономическое мировоззрение, системное управление, системный мониторинг, системная сбалансированность, системная координация, системная оптимизация и т.п. (см. Клейнер, 2015, 2016).

Разумеется, для выполнения масштабной и разнообразной программы перехода к системной экономике необходимы серьезные и скоординированные усилия экономистов, юристов, политиков, управленцев. В ходе этого процесса можно ожидать также и достижения ориентиров повышения степени консолидации российского общества.